УДК 811.112.2'243
ББК Ш 143.24–7

Руслан Джаванширович Керимов,
кандидат филологических наук, доцент,
Кемеровский государственный университет
(Кемерово, Россия), e-mail: kerimovrus@rambler.ru

Лингвокогнитивные аспекты изучения немецкой политической метафоры

Статья посвящена рассмотрению проблематики лингвистического исследования немецкоязычной политической метафорики в когнитивном аспекте. В частности, автор анализирует функцию метафоры в структурировании языковой картины мира, когда метафора появляется на стыке двух понятийных сфер на основе каких-либо мыслимых общих признаков. В социально-политической коммуникации метафора базируется как на узуальных, зафиксированных в словарях значениях и единицах паремиологического фонда, так и на креативных окказиональных образах, которые возникают в контекстах политических речей и в языке СМИ, но при этом окказиональные метафоры зачастую также основываются на некоторых узуальных смыслах, активируют их, расширяют и дополняют. Немецкая концептуальная политическая метафора описывает социальные и экономические аспекты жизнедеятельности государства и общества в ФРГ, отражая в первую очередь стереотипы и представления немецкой политической культуры и языка германо-немецкого этноса в целом. Автор использует в своём исследовании методику когнитивного фреймирования, реконструируя концептуальные структуры понятийных сфер-источников политической метафорики на разных уровнях языковой абстракции. В целом можно выделить семиуровневую концептуальную организацию иерархической системы политической метафоры. В статье дан краткий обзор шести метафорических моделей, указываются параметры выявления этноспецифики метафорических образов.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, политическая метафора, языковая картина мира, понятийная сфера, социальная коммуникация, немецкий язык.

Ruslan Dzhavanshirovich Kerimov,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), e-mail: kerimovrus@rambler.ru

Linguistic Cognitive Aspects of German Political Metaphor

The paper examines the issues of studying German political metaphors in the cognitive aspect. The author focuses on the function of metaphors in structuring the linguistic worldview, when a metaphor emerges at the interface of two conceptual domains, and is based on certain common features. In social and political communication, metaphors can be based on meanings of words that are fixed in usage, in dictionaries, and in proverbs and sayings; on the other hand, metaphors can be based on creative occasional imagery which arises from the context of political speeches and the language of the media. In the latter case, however, occasional metaphors are quite often built upon the usage meanings, whose scope is invigorated, expanded and augmented. German political conceptual metaphors describe the social and economic aspects of the functioning of Germany's politics and society. Political metaphors mirror the stereotypes and ideas pertaining to the German political culture and to the German-speaking ethnic community as a whole. The author uses the method of cognitive framing to reconstruct the structure of the conceptual sources of political metaphors at different levels of linguistic abstraction. This method yields a seven-level conceptual organization of the hierarchical system of political metaphors. The article presents an outline of six metaphorical models, with the parameters that were used to identify the ethnically specific metaphoric imagery.

Keywords: cognitive linguistics, political metaphor, linguistic worldview, conceptual domain, social communication, the German language.

Современная политическая коммуникация ФРГ представляет собой социальную субсистему немецкоязычной лингвальной культуры, которая обслуживает область общественно-социальных отношений и зиждется как на традиционных языковых значениях, так и на специальных средствах, которые получают развитие в дискурсивном пространстве коммуникации.

Метафора в свою очередь является основополагающим когнитивным механизмом познания, освоения окружающей человека

© Р. Д. Керимов, 2013

действительности, а касательно социальной реальности – средством передачи опыта и знаний о данной сфере, аккумулированных как в языковой картине мира, так и в политической культуре немецкого общества и государства.

Таким образом, лингвокогнитивное изучение специфики метафоры в политическом дискурсе может быть рассмотрено с двух точек зрения. Во-первых, следует принять во внимание теоретические основания и подходы к исследованию когнитивной природы метафоры, е` роли в формировании когнитивной и языковой картин мира и в соотношении этих двух структур.

Во-вторых, представляется актуальным описание лингвокультурной специфики и лингвистических особенностей экспликации метафорических образов собственно в области политической коммуникации, построение системы иерархических отношений в метафорической системе социально-политического языка, выявление частотных, продуктивных и доминантных метафорических моделей, установление и описание этноспецифичных черт современной немецкоязычной политической культуры [4].

Как и другие языковые единицы, метафора может быть рассмотрена с позиций разных лингвистических наук. При изучении языковых явлений актуальным предстаёт когнитивный подход, оформившийся в когнитивной лингвистике, которая как самостоятельная научная дисциплина вышла из недр когнитивной науки. Когнитивная наука, или когнитивизм – «это направление в науке, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны. Это наука о знании и познании, о восприятии мира в процессе человеческой деятельности» [10, с. 6].

С позиций когнитивизма человек изучается как система переработки информации, а поведение человека описывается как получение, переработка, хранение и воспроизведение информации для рационального её использования. К числу важнейших принципов когнитивной науки относится трактовка человека как активно воспринимающего и продуцирующего информацию субъекта, руководствующегося в своей мыслительной деятельности определёнными «схемами, программами, планами, стратегиями» [10, с . 7].

Поскольку основным средством фиксации, хранения, переработки и передачи знания является язык, то когнитивная наука обратила свой взор на языкознание, породив, таким образом, новую науку – когнитивную лингвистику, которая в рамках когнитивной научной парадигмы тесно связана с когнитивной психологией, философией, антропологией и с моделированием искусственного интеллекта.

Центральной в когнитивной лингвистике выступает «категория знания, проблема видов знания и способов их представления» [10, с. 8]. А «когнитивная лингвистика представляет собой такую область внутри общей когнитивной науки, которая изучает язык как одну из субсистем познания, это значит – как одну из ментальных систем знания» [29, S. 10]. В. З. Демьянков и Е. С. Кубрякова определяют когнитивную лингвистику как «лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» [3, с. 53].

Основной проблемой когнитивной лингвистики является, по мнению В. А. Масловой, «построение модели языковой коммуникации как основы обмена знаниями» [10, с. 14].

Язык с позиций когнитивной лингвистики нельзя рассматривать в отрыве от других форм интеллектуальной деятельности человека, так как именно в языке закрепились результаты познавательной деятельности. В своё время ещё немецкий учёный В. фон Гумбольдт рассматривал язык как непрерывную творческую деятельность (energeia) и понимал её как основу всех остальных видов человеческой деятельности [см.: 2].

Вся информация и весь опыт, получаемый человеком в процессе его познавательной деятельности, обрабатывается и находит своё выражение в языковых формах: «Языковое сознание вообще и значение слова как его фрагмент есть форма структурации и фиксации общественного опыта людей, знаний о мире … форма презентации и актуального удержания знания в индивидуальном сознании» (А. Н. Леонтьев). Когнитивные процессы, по словам Е. С. Кубряковой, «связаны с языком и принимают форму «оязыковлённых» процессов».

В соответствии с этим в когнитивной лингвистике утвердился так называемый антропоцентрический подход, который переносит центр тяжести с языка на человека, а язык рассматривается с точки зрения его участия в познавательной деятельности человека.

Информация, полученная в результате познавательной деятельности, поступает к человеку через разные каналы, но предметом рассмотрения когнитивной лингвистики является лишь та её часть, которая отражается и фиксируется в языковых формах. Язык в когнитивной лингвистике выступает главным орудием и условием познания. Именно язык позволяет получить полное и адекватное представление о человеческом сознании и разуме [11].

Таким образом, когнитивная лингвистика «поставила себе цель описать и объяснить организацию и принципы функционирования человеческого познания» [29, S. 11]. По мнению В. А. Масловой, цель когнитивной лингвистики состоит в том, чтобы «понять, как осуществляются процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира, как происходит накопление знаний, какие системы обеспечивают различные виды деятельности с информацией» [10, с. 12].

Основателями когнитивной лингвистики считаются американские учёные Джордж Лакофф и Марк Джонсон, опубликовавшие в 1980 г. свою известную работу по когнитивной семантике и по метафоре в когнитивной лингвистике «Метафоры, которыми мы живем» [23].

В политическом дискурсе Германии метафоры, с точки зрения своей когнитивной природы, формируют и упорядочивают знания, опыт и представления немецких политических деятелей о немецкой и (шире: европейской в рамках ЕС) общественно-политической действительности и отражают также наиболее актуальные с точки зрения этих политиков её свойства и качества, которые они ей приписывают.

Концептуальные метафоры существуют одновременно на стыке двух концептуальных сфер: исходной сферы (сферы-источника), являющейся источником лексемы в её прямом значении, и сферы-цели, которая служит уже мишенью метафорической экспансии [см.: 17; 19; 22 и др.].

Следует отметить, что в политическом дискурсе метафора не только служит средством освоения социальной реальности, но она и сама активно формирует нужные политэлите представления у адресата речи о свойствах социально-политической действительности, достраивает и порой искажает социальную картину мира, в связи с чем в арсенале риторических средств метафора является мощным идейно-агитационным и пропагандистским орудием, которое, по мнению Дж. Лакоффа, даже способно «убить».

Соответственно, метафора выполняет в политдискурсе различные агитационно-идеологические функции, искажая социальную реальность и/или заново воссоздавая её в таком виде, как это выгодно политической элите для оправдания своей внешней и внутренней политики.

На внутриполитической арене ФРГ метафоры помимо собственно дескриптивно-информативных и агитационных задач в контекстах речей и публичных выступлений государственных чиновников, политических и общественных деятелей выражают коннотативную экспрессию, которая заключается в негативной оценке деятельности политических оппонентов, восхвалении работы своей партии или фракции, озвучивании своей позиции по той или иной социальной, экономической, геополитической проблеме в наглядно-образном виде [20; 25; 30].

Система немецкоязычной политической концептуальной метафорики является многосложной и иерархически упорядоченной, с разветвлённой структурой и непропорциональным распределением конституентов как по квантитативным, так и по квалитативным характеристикам. Когнитивные структуры немецкой политической метафорики, реконструированные по данным комплексного лингвистического анализа всего корпуса узуальных и окказиональных метафорических значений и контекстов употребления, могут быть представлены в виде семиступенчатой иерархии, отражающей отношения и связи между уровнями концептуализации понятийных сфер-источников метафорической экспансии.

Первые три уровня концептуальной абстракции представляют собой формально-содержательные объединения больших групп метафорических номинаций. Так, на верхнем уровне можно выделить две фундаментальные исходные понятийные сферы: «Мир человека» и «Окружающий мир».

В первую группу входят номинации реалий, имеющих отношение к самому человеку и являющихся плодом его непосредственного труда; ко второй сфере относятся явления внешнего мира, которые существуют помимо воли человека и на которые он может повлиять только косвенно.

На следующей стадии вычленяются обобщённые исходные сферы, актуализирующие соответствующие ключевые структуры первого уровня. «Мир человека» представлен тремя обобщёнными понятийными сферами:

«Артефакты» (имена объектов, созданных трудом человека); «Физиология человека» (биология человека и его родственные отношения); «Социум» (общественно-социальные отношения в государстве и профессиональная деятельность человека). «Окружающий мир» также распадается на три области описания: «Природа» (флора, фауна, геология и пр.), «Универсум» (физические характеристики окружающего мира: параметры пространства, строение вещества и материи, законы физики и химические свойства, цвет, временные реляции) и «Сакральная сфера» (духовная жизнь, мифология, высшие и потусторонние силы).

На следующем, третьем уровне представлены исходные понятийные сферы, составляющие образования предыдущего раздела. Так, например, физиологическую обобщённую сферу составляют такие исходные сферы, как «Анатомия», «Медицина» и «Родственные отношения». Социальными аспектами концептуализации являются: военное дело, спорт, искусство, экономика, наука и образование, социальная стратификация и правосудие.

Некоторые из представленных исходных концептуальных сфер (или их фрагменты) уже становились объектом исследований российских и зарубежных учёных на материале разных языков [например: 13; 21; 26].

Следующие три ступени непосредственно представляют области как языковых значений, так и когнитивных реляций между элементами одного из разных уровней, упорядочивая исходные сферы в виде фреймо-слотовой системы. Согласно некоторым лингвистическим теориям [18; 24], именно «фрейм» является центральной единицей когнитоструктуры обработки и сохранения данных и хранилищем языковых смыслов, который определяет лексико-семантическое значение слова, его семантическую валентность и дистрибутивный потенциал.

По определению В. З. Демьянкова, фрейм – «это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия… Фрейм организует наше понимание мира в целом… Фрейм – структура данных для представления стереотипной ситуации» [3, с. 188]. В свою очередь А. Н. Баранов определяет фрейм как «описание типизированной ситуации» [1, с. 188]. Если фрейм представляет собой некую схему, ключевые пункты понятийной сферы, то слот – это составной элемент фрейма, частный случай стереотипной ситуации, отражающий некоторые аспекты интерпретации фрагмента языковой картины мира.

Лингвокогнитивный принцип исследования фреймо-слотовой структуры метафорических моделей на материале политического дискурса использовали, в частности, в своих исследованиях А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов [1], А. П. Чудинов [13; 14] и др.

При этом слот соединяет в себе несколько аспектов – группировок значений с одной архисемой, реализующих с одним ключевым именем одно– или разнонаправленные референтные ситуации. Если некая лексема, участвующая в метафорическом процессе, не имеет близких номинаций, то она относится напрямую к слоту.

Наконец, последний, седьмой уровень – когнитивное пространство функционирования языковых, преимущественно лексико-семантических значений, которые материализуются в различных формах сигнификации – от морфемного (аффикс, компонент сложного слова), через слово-значение (однокорневые слова и их дериваты, композиты, идиомы и фразеологизмы) к синтаксическим (фразеологизмы-предложения, свободные сочетания с одним или всеми (как правило двумя) переосмысленными компонентами, предложения с переосмысленными главными членами или всё целиком в переносном смысле) и текстовым (несколько предложений, абзацев или даже целый фрагмент текста) средствам.

Источниками метафорических значений в свою очередь выступают: узуальные толкования, когда метафора находится в словаре как отдельная лексема (с соответствующей пометой или без неё), развитие первичного, прямого значения определённым когнитивно-семантическим механизмом, морфологическая деривация (например, конверсия), когда новое слово в качестве единственного значения получает переносное значение исходного слова. Особый узуальный пласт образует фонд паремиологии, где можно выделить идиомы (полуустойчивые выражения), фразеологизмы (более устойчивые сочетания), пословицы и поговорки и пр. В коммуникативных контекстах единицы паремиологического фонда часто получают развитие в разнообразных метафорических образах, подчас связанное с активацией их внутренней формы. Наконец, окказиональная метафоризация приводит к появлению «креативных» ме-

тафор, которые, как показывает проведённое исследование, очень часто появляются на узуальных образах и развивают их, доводя до логического завершения некоторые их характеристики.

Не вызывает сомнений тот факт, что все метафоры этноспецифичны, кроме особых случаев их заимствования в разные периоды истории (от древности до наших дней), поскольку отражают опыт и знания народа, уже укоренившиеся в его когниции и как вербализованные образы, ставшие фактом его лингвальной культуры. Соответственно, в языке отражается только то, что мыслится, а что не воплощается в языке, того нет и в его когнитивных структурах. Некоторые учёные полагают: для выявления лингвоэтнической специфики метафоры некоторой лингвальной или политической культуры нужно обязательно её сравнить с другой системой.

Как представляется, такой взгляд не совсем правомерен, поскольку при сравнении двух лингвокультур можно лишь говорить об общих и отличных чертах в данных системах, и ни в коем случае нельзя считать только разное этноспецифичным, а одинаковое – неким универсальным, общечеловеческим. Культуры и языки могут быть очень похожи ввиду некоторых сходств между ними (например: русская – украинская, русская – белорусская, русская – немецкая, русская – англосаксонская и пр.), и тогда речь можно вести только о степени/мере подобия лингвокультур (например, русскому языку в лексико-семантическом плане более близок немецкий, чем английский), но если каждая система пришла к своему современному состоянию самостоятельно, независимо от другой, то всё, что получилось в результате, и есть её этнотипические черты. В данной связи лишь глубокий этимологический и культурологический анализ может представить сведения о долевом участии национальных и внешних, заимствованных образов-символов. Однако следует особо отметить: если заимствованный образ не попадает на благодатную культурную или геополитическую почву в языке-мишени, то он может и не прижиться. Так, например, метафоры корабля пришли в европейскую политическую культуру из античной литературы через риторику, но если бы Германия не была судоходной страной и не имела бы выхода к морю, то, вероятно, такой бы метафоры в немецком языке в настоящее время не существовало.

Как показывает проведённое исследование, самыми частотными в политическом дискурсе современной Германии являются концептуальные метафоры из исходной понятийной сферы «Артефакты», составляющими в общей сложности до 40 % всего корпуса [4]. Артефактные метафоры оперируют номинациями созданных трудом человека механических устройств, видов транспортных средств, различных техногенных объектов, архитектурных сооружений и объектов коммунального хозяйства, а также реалий сферы гастрономии и одежды.

Архитектурная метафора была особенно популярна в политической коммуникации в конце 1980-х – начале 2000-х гг., отражая актуальные и бурные геополитические события в Европе: создание на базе Европейского Сообщества в 1992 г. Европейского Союза, присоединение ГДР к ФРГ (в 1990 г.), развитие и расширение Евросоюза (в 2004 г.). Все эти процессы очень хорошо вписались в метафорический образ «Европейского дома», в концептуальной системе которого соответствующие актуальные события находили выражение в предикации новых качеств и процессов, таких как, например: «построение Европейского дома» (усиление ЕС); «расширение Европейского дома» и «въезд новых жильцов» (увеличение Евросоюза за счёт новых стран из Восточной Европы); «приостановка строительства» (кризисные явления в ЕС); а также «план строительства», «строители» (ср.: "der Architekt der Reform"), «стройматериалы» и т. д. [15; 16; 28].

Механистическая метафора отражает взгляд на государство как некий механизм, который состоит из винтиков и других частей, которым кто-то управляет, который функционирует, может сломаться, и тогда он требует ремонта. Соответственно, простые граждане, чиновники и власть в той или иной степени участвуют в обслуживании данной системы [8; 9; 13].

Транспортная метафора оперирует традиционными образами поезда, корабля, автомобиля, объектов инфраструктуры (мост, дорога и пр.), когда основным объектом описания выступает ситуация и выбор пути развития государства, следование определённым курсом ("einen Kurs halten") [27].

Самой продуктивной в узуальном пласте социальной немецкоязычной метафорики выступает антропоморфная исходная понятийная сфера, куда относятся наименования физиологических особенностей, характеристик и процессов организма человека, морбиальные понятия и термины родства.

В немецком языке функционирует большое количество устойчивых и идиоматических выражений с участием номинаций частей и органов тела человека, которые, помимо прочего, описывают также различные стороны социальной реальности и политической жизни страны. Такое многообразие объясняется тем, что человек концептуализирует и познаёт окружающий мир, соизмеряя его с тем, что ему очень хорошо знакомо и что наглядно, то есть в первую очередь со своим собственным телом.

Таким образом, различные части тела, внутренние органы и системы презентируют объекты и реляции в социально-политических отношениях в соответствии со своими функциями. Так, «голова» – мыслительный центр, отвечающий за интеллектуальную деятельность; «глаза» – наблюдение, шпионаж (за кем-либо/чем-либо); «руки» – помощники (ими что-то делают или, наоборот, не делают); «ноги» – передвижение в пространстве, ходьба; «сердце» – главный кровеносный и жизненно важный орган, в переносном смысле – центр чего-то ("Parlament ist das Herz der Demokratie") и пр. [6; 7].

В определённых случаях органы и части тела переосмысливаются в непрототипических функциях или по метонимической смежности, когда на первый план выходят наивные представления германского этноса о роли и назначении соответствующих систем. Так, «нос», например, вполне может быть интеллектуальным органом и выполнять репрезентативную функцию в конкретных фразеологизмах, а «кожа» выступает как метонимический заместитель жизненной силы или жизни в целом. Ситуации болезни также часто метафорически проецируются в социальную реальность, описывая кризисные явления в экономике, в обществе, а термины родства создают впечатление о государстве или ЕС как о дружной семье ("Völkerfamilie").

Понятийная сфера-источник «Социум» располагает в свою очередь наибольшим количеством метафорических моделей в своём составе, что объясняется вариативным разнообразием актуализируемых общественно значимых отношений в государстве и в социально-экономической области: физическая культура и спорт, военная служба, культура и искусство, наука и образование, экономика и торговля, правовые и социальные отношения.

Наиболее ярко в этой группе проявляют себя связанные друг с другом сферы спорта и войны, которых объединяют семы борьбы, соперничества, соревнования и противостояния политических сил [26]. Развитая система милитарной метафорики зиждется на богатой военной истории немецко-германского этноса, в связи с чем в немецкий язык попали и закрепились в нём многочисленные наименования оружия, амуниции (преимущественно – из эпохи средневековых рыцарей), способов и манеры ведения боевых действий, особенностей несения военной службы и военной атрибутики. В многочисленных окказиональных контекстах политических речей активно развиваются яркие образы противоборства двух политических «лагерей» современной Германии – партий ХДС и СДПГ – как постоянной войны на внутриполитической арене и в парламенте ("ideologische Grabenkriege").

Немцы также очень спортивная нация, они любят спорт и занимаются им, так что разнообразные реалии более чем 20 видов спорта (футбол, лёгкая атлетика, борьба, автогонки) описывают политические процессы и явления, а политики предстают как спортсмены, которые соревнуются со своими партийно-политическими оппонентами, например, в преддверии выборов за голоса избирателей ("Wahlkampf", "Wahlmarathon") и пр.

Культура и искусство в свою очередь позволяют реализовывать не только профессиональные способности, но и творческие замыслы. В этой связи наиболее актуальными предстают очень близкие политике по манере «исполнения» театр и цирковая эстрада при активации архисем словесной игры, притворства и даже обмана, когда политики как актеры играют свои роли, заранее расписанные сценарием ("eine Rolle spielen", "Weltbühne").

Натурморфная концептуальная метафорика базируется на терминах и понятиях хорошо знакомой каждому человеку сферы природы: как живой (флора, фауна), так и неживой (геология, метеорология), уподобляя реалии природной среды объектам и субъектам социополитических процессов.

Зоономинации при метафорической проекции в политику создают анимальные образы политических и общественных деятелей, сопряжённые преимущественно с негативной оценкой. Зоонимы, во-первых, уподобляют в узуальных смыслах соответствующие социально значимые ситуации фигурам домашних и диких животных, птиц, рыб, насекомых, грызунов, беспозвоночных, образ жизни которых переосмысливается в определённых постоянно проявляемых (с точки зрения носителей языка) характеристиках и качествах

в паремиологических единицах (идиомы, фразеологизмы, пословицы, поговорки). При этом, конечно же, следует учитывать то, что данные постоянные свойства возникли также под влиянием традиционных анимальных образов из мифологии, Библии, произведений искусства (в том числе, кино) и литературных памятников.

Второй аспект касается уже отождествления образа жизни и манеры поведения представителей фауны способам осуществления политики соответствующими деятелями, когда в первую очередь актуализируется агрессивное поведение зверей, которое проявляется, например, в демонстрации «зубов / клыков» как показателя силы и серьёзности своих намерений и т. д. ("j-m seine Zähne zeigen", "die Krallen zeigen").

Фитоморфная метафора репрезентирует в большей степени условия, необходимые для выполнения конструктивных общественных действий и для равномерного развития экономики, в связи с чем в политдискурсе возникают узуально закреплённые традиционные образы «благодатной почвы», «посадки», «роста», «цветения» и «созревания», «ухода», «сбора урожая» и т. п. [5], что представляет собой цикл жизни и условия для роста растения, которые приписываются экономическим процессам, имеющим определённые стадии развития (появление → развитие → успех/прибыль) и требующим для успешной работы соответствующие условия [см. также о растительном признаке концептуализации немецкой экономики: 12].

Самой неоднородной по составу является обобщённая концептуальная модель под условным названием универсальная метафора. Она описывает явления, процессы и реалии политической картины мира в терминах концептосфер, охватывающих общие физические и идеальные параметры окружающего мира, которые носят универсальный характер и могут характеризовать одновременно деятельность человека, живой и неживой природы, а также состояние времени, пространства и физической (живой и неживой) материи в целом. К подобным актуальным параметрам относятся характеристики пространства (дименсиональные метафоры) и времени (темпоральные метафоры); свойства живой (биохимические метафоры) и неживой (физические метафоры) материи; параметры цвета (колоративные метафоры), процессы перемещения в пространстве (метафоры движения).

Дименсиональный параметр – это пространственные характеристики предмета, к которым относятся физические понятия высоты, ширины, глубины, а также вертикаль/горизонталь, лево/центр/право и пр., верх/низ, спереди/сзади, далеко/близко, широкий/узкий. Помимо этого данная когнитосфера оперирует общими понятиями пространства (обобщённое пространство, ближнее и дальнее (включая космическое) пространство) и обобщёнными номинациями измерения пространства. Пространственная локализация является важнейшим элементом немецкой лингвокультуры ввиду частого использования в повседневном быту. Так, в общественной жизни принадлежность к какой-либо политической партии и/или течению определяется по локализации относительно тела человека, где «лево» – это традиционное «местоположение» социалистов и коммунистов (в Германии это СДПГ и ПДС); «правые» – антисоциалистические течения (например, крайние консерваторы; в современной ФРГ – радикальные националисты); «центристами» выступают умеренные группы и силы, идеологически не ангажированные ни в сторону умеренного или крайнего социализма, ни в сторону крайнего консерватизма (ими можно считать немецкие партии ХДС/ХСС и СвДП).

За каждой политической силой закреплена также и её определённая цветосимволика, которая сложилась исторически, отражая в лингвальной культуре представления о значениях конкретных колоративов, и уже стала традиционным политическим и общественным маркером. В современной Германии используются, например, такие партийные цвета: красный – СДПГ (социалисты), коммунисты, в исторической перспективе это цвет бывших соцстран и их правительств (прежде всего – СССР и ГДР); чёрный – ХДС (как символ земли); зелёный – партия «Зелёных» (символ природы); жёлтый – СвДП; коричневый – цвет национал-социализма (с негативными коннотациями). Следует отметить, что помимо политического указателя разные цветообозначения (в том числе и не упомянутые здесь) выражают много социальных значений, обладая разветвлённой синонимией смыслов.

Наконец, последнюю группу представляет сакральная исходная сфера, вербализуемая религиозными и волшебно-мифологическими метафорами, которые апеллируют к высшим, неземным, не подвластным (в области религии) человеку силам и связаны

с сакральной (вероисповедование), колдовской (волшебство) и мифологической сферами. Конфессиональная принадлежность является важной социальной характеристикой человека, а религиозные христианские традиции в свою очередь стали неотъемлемой частью традиционной немецкой культуры. Библейские и сакральные образы укоренились в немецком социальном языке, номинируя реалии социосферы понятиями из церковного культа, библейскими персоналиями и сюжетами ("Finanzwunder", "Umweltsünden"). Развивает данные смыслы образное представление разнообразных магических действий как описание происходящих в политике процессов (с негативной стороны), когда особо подчёркивается, что только труд, а не магические заклинания, помогает создавать материальные блага и тем самым достичь благополучия.

В целом, представленный обзор показывает, насколько полимерным и многоаспектным феноменом является немецкая политическая метафора. Лингвокогнитивное изучение политметафоры путём реконструкции её концептуальных структур в рамках фреймингa соответствующих исходных понятийных сфер позволяет выявить и типологизировать традиционные узуальные и креативные окказиональные метафорические образы области общественно-социальных отношений ФРГ, установить лингвокультурные корни данных политических символов и детерминировать их функции в современной немецкоязычной социально-политической коммуникации.

Список литературы

1. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991. 193 с.

2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / общ. ред. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 2001. 400 с.

3. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. 245 с.

4. Керимов Р. Д. Артефактная метафорика в политическом дискурсе ФРГ: учеб. пособие / Кемер. гос. ун-т. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 168 с.

5. Керимов Р. Д. Концептуализация социальной реальности фитоморфными метафорами в немецком политическом дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 4 (44). С. 136–144.

6. Керимов Р. Д. «Тело человека» как сфера-источник немецкой социальной метафорики // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 105–123.

7. Керимов Р. Д. Метафоризация физиологических процессов в немецкой социальной коммуникации // Политическая лингвистика. 2013. № 1 (43). С. 72–88.

8. Керимов Р. Д. Когнитивная структура техноморфной метафорики в немецком институциональном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 2 (20). С. 94–99.

9. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург, Пермь: Изд-во Уральского ун-та; ЗУУНЦ, 1995. 144 с.

10. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2004. 296 с.

11. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Минск: ТетраСистемс, 2008. 272 с.

12. Федянина Л. И. Концепт Geld в немецкой языковой картине мира: Опыт концептуального анализа: учеб. пособие / Кемер. гос. ун-т. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 160 с.

13. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2001. 240 с.

14. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2003. 250 с.

15. Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора): уч. пособие. Екатеринбург: Изд-во УрГИ, 2003. 194 с.

16. Bachem R., Battke K. Strukturen und Funktionen der Metapher "Unser gemeinsames Haus Europa" im aktuellen politischen Diskurs // Begriffe besetzen: Strategien des Sprachgebrauchs in der Politik / Hrsg. von F. Liedke, M. Wengeler. Opladen : Westdeutscher Verlag, 1991. S. 295–307.

17. Baldauf Ch. Metapher und Kognition: Grundlagen einer neuen Theorie der Alltagsmetapher. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Lang, 1997. 360 S. (Sprache in der Gesellschaft; Bd. 24).

18. Dijk T. A. v. Macrostructures : An interdisciplinary study of global structures in discource, interaction and cognition. Hillsdale: Erlbaum, 1980. IX, 317 p.

19. Feng X. Konzeptuelle Metaphern und Textkohärenz. Tübingen: Narr, 2003. 301 S.
20. Grieswelle D. Politische Rhetorik. Wiesbaden: DUV, 2000. VIII, 519 S.
21. Jäkel O. Metaphern in abstrakten Diskurs-Domänen: eine kognitiv-linguistische Untersuchung anhand der Bereiche Geistestätigkeit, Wirtschaft und Wissenschaft. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Lang, 1997. 348 S.
22. Kövecses Z. Metaphor: A practical introduction. New York: Oxford University Press, 2002. XVI, 285 p.
23. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We live by. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1980. XIII, 242 p.
24. Minsky M. Frame-system theory // Thinking: Readings in cognitive science / ed. by Ph. N. Johnson-Laird, P. C. Wason. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1977. Pp. 355–376.
25. Münkler H. Politische Bilder, Politik der Metaphern. Frankfurt am Main: Fischer, 1994. 175 S.
26. Rigotti F. Die Macht und ihre Metaphern: Über die sprachlichen Bilder der Politik. Frankfurt am Main, New York : Campus Verlag, 1994. 239 S.
27. Schäfer E. Das Staatsschiff: Zur Präzision eines Topos // Toposforschung: Eine Dokumentation / hrsg. von P. Jehn. Frankfurt am Main: Athenäum, 1972. S. 259–292.
28. Schäffner Ch. Die europäische Architektur – Metaphern der Einigung Europas in der deutschen, britischen und amerikanischen Presse // Inszenierte Information: Politik und strategische Kommunikation in den Medien / hrsg. von A. Grewenig. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1993. S. 13–30.
29. Schwarz M. Kognitive Semantik – State of the Art und Quo vadis? // Kognitive Semantik: Ergebnisse, Probleme, Perspektiven = Cognitive semantics / Hrsg. von M. Schwarz. Tübingen: Narr, 1994. S. 9–21.
30. Sprache des Parlaments und Semiotik der Demokratie : Studien zur politischen Kommunikation in der Moderne / hrsg. von A. Dörner, L. Vogt. Berlin, New York: de Gruyter, 1995. VI, 400 S.

References

1. Baranov A. N., Karaulov Ju. N. Russkaja politicheskaja metafora: materialy k slovarju. M.: In-t russkogo jazyka AN SSSR, 1991. 193 s.
2. Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju: per. s nem. / obshh. red. G. V. Ramishvili. M.: Progress, 2001. 400 s.
3. Kubrjakova E. S., Dem'jankov V. Z., Pankrac Ju. G., Luzina L. G. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / pod obshh. red. E. S. Kubrjakovoj. M.: Izd-vo MGU, 1996. 245 s.
4. Kerimov R. D. Artefaktnaja metaforika v politicheskom diskurse FRG: ucheb. posobie / Kemer. gos. un-t. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008. 168 s.
5. Kerimov R. D. Konceptualizacija social'noj real'nosti fitomorfnymi metaforami v nemeckom politicheskom diskurse // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 4 (44). S. 136–144.
6. Kerimov R. D. «Telo cheloveka» kak sfera-istochnik nemeckoj social'noj metaforiki // Politicheskaja lingvistika. 2012. № 4 (42). S. 105–123.
7. Kerimov R. D. Metaforizacija fiziologicheskih processov v nemeckoj social'noj kommunikacii // Politicheskaja lingvistika. 2013. № 1 (43). S. 72–88.
8. Kerimov R. D. Kognitivnaja struktura tehnomorfnoj metaforiki v nemeckom institucional'nom diskurse // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 2 (20). S. 94–99.
9. Kupina N. A. Totalitarnyj jazyk: slovar' i rechevye reakcii. Ekaterinburg, Perm': Izd-vo Ural'skogo un-ta; ZUUNC, 1995. 144 s.
10. Maslova V. A. Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku : ucheb. posobie. M. : Flinta; Nauka, 2004. 296 s.
11. Maslova V. A. Kognitivnaja lingvistika : ucheb. posobie. 3-e izd., pererab. i dop. Minsk: TetraSistems, 2008. 272 s.
12. Fedjanina L. I. Koncept Geld v nemeckoj jazykovoj kartine mira: Opyt konceptual'nogo analiza: ucheb. posobie / Kemer. gos. un-t. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008. 160 s.
13. Chudinov A. P. Rossija v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoj metafory (1991–2000): monografija. Ekaterinburg: Izd-vo UrGPU, 2001. 240 s.
14. Chudinov A. P. Metaforicheskaja mozaika v sovremennoj politicheskoj kommunikacii: monografija. Ekaterinburg: Izd-vo UrGPU, 2003. 250 s.
15. Chudinov A. P. Politicheskaja lingvistika (obshhie problemy, metafora): uch. posobie. Ekaterinburg: Izd-vo UrGI, 2003. 194 s.

16. Bachem R., Battke K. Strukturen und Funktionen der Metapher "Unser gemeinsames Haus Europa" im aktuellen politischen Diskurs // Begriffe besetzen : Strategien des Sprachgebrauchs in der Politik / Hrsg. von F. Liedke, M. Wengeler. Opladen : Westdeutscher Verlag, 1991. S. 295–307.

17. Baldauf Ch. Metapher und Kognition : Grundlagen einer neuen Theorie der Alltagsmetapher. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien : Lang, 1997. 360 S. (Sprache in der Gesellschaft; Bd. 24).

18. Dijk T. A. v. Macrostructures : An interdisciplinary study of global structures in discource, interaction and cognition. Hillsdale: Erlbaum, 1980. IX, 317 p.

19. Feng X. Konzeptuelle Metaphern und Textkohärenz. Tübingen: Narr, 2003. 301 S.

20. Grieswelle D. Politische Rhetorik. Wiesbaden: DUV, 2000. VIII, 519 S.

21. Jäkel O. Metaphern in abstrakten Diskurs-Domänen : eine kognitiv-linguistische Untersuchung anhand der Bereiche Geistestätigkeit, Wirtschaft und Wissenschaft. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Lang, 1997. 348 S.

22. Kövecses Z. Metaphor: A practical introduction. New York: Oxford University Press, 2002. XVI, 285 p.

23. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We live by. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1980. XIII, 242 p.

24. Minsky M. Frame-system theory // Thinking : Readings in cognitive science / ed. by Ph. N. Johnson-Laird, P. C. Wason. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1977. Pp. 355–376.

25. Münkler H. Politische Bilder, Politik der Metaphern. Frankfurt am Main: Fischer, 1994. 175 S.

26. Rigotti F. Die Macht und ihre Metaphern: Über die sprachlichen Bilder der Politik. Frankfurt am Main, New York : Campus Verlag, 1994. 239 S.

27. Schäfer E. Das Staatsschiff: Zur Präzision eines Topos // Toposforschung: Eine Dokumentation / hrsg. von P. Jehn. Frankfurt am Main: Athenäum, 1972. S. 259–292.

28. Schäffner Ch. Die europäische Architektur – Metaphern der Einigung Europas in der deutschen, britischen und amerikanischen Presse // Inszenierte Information: Politik und strategische Kommunikation in den Medien / hrsg. von A. Grewenig. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1993. S. 13–30.

29. Schwarz M. Kognitive Semantik – State of the Art und Quo vadis? // Kognitive Semantik: Ergebnisse, Probleme, Perspektiven = Cognitive semantics / Hrsg. von M. Schwarz. Tüingen: Narr, 1994. S. 9–21.

30. Sprache des Parlaments und Semiotik der Demokratie : Studien zur politischen Kommunikation in der Moderne / hrsg. von A. Dörner, L. Vogt. Berlin, New York: de Gruyter, 1995. VI, 400 S.

Статья поступила в редакцию 16 мая 2013 г.